

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

На протяжении 500 лет, последовавших за крушением Римской империи, центр научной жизни переместился на Восток от Евфрата. В V, VI и VII в. н. э. наблюдался значительный культурный прогресс в Персии, Сирии, Индии, Китае, арабской цивилизации. С XII в. лидером в научном развитии стала Западная Европа. Почему это произошло?

В Западной Европе улучшился климат и в течение двух столетий (1050–1250 гг.) произошла агрокультурная революция: утвердилась трехпольная система земледелия, вместо волов стали использовать лошадей с новой конской упряжью, улучшилось транспортное сообщение, был усовершенствован ткацкий станок. С агрокультурной революцией совпало оживление междоцивилизационных контактов: Европа переживала реконквисту, крестовые походы, расширилась евразийская сухопутная торговля вследствие установления Монгольской империи в 1240–1340 гг.

Западная Европа быстро впитывала в себя культурные новации. Это привело к тому, что средневековая европейская цивилизация по уровню своего развития сравнялась с китайской цивилизацией, а в последующие столетия прочно удерживала у себя пальму научного первенства [6, с. 187–206].

В чем причины такой культурной открытости, восприимчивости Западной Европы?

Во-первых, Западной Европе досталось «греческое наследство» – традиция свободного, осознанного поиска истины. Универсальность греческой философии и науки, универсальность римского права и политической теории постепенно вплавлялись в новые структуры европейского мира и возникали новые формы отношения человека к бытию, неизвестные в странах Востока. Так, XII в. были образованы университеты в Париже, Болонье, Оксфорде. В XIV в. появились школы с логико-математической и физической ориентацией в Мертон-колледже, Оксфорде, Сорбонне.

Во-вторых, сыграли свою роль особенности социального устройства Западной Европы. Здесь сформировалось третье сословие – слой «расчетчиков» (купцов), а также приобщенных к математике техников и ремесленников, явившихся в Европе предтечей будущего сообщества ученых. Западноевропейский меркантилизм способствовал впоследствии возникновению экспериментального исследования природы.

В-третьих, спецификой европейской культуры была ее ориентация на универсализм и рационализм. Европейская культура выработала такое понятие «закона», которого не знали другие культуры.

Еще в Древнем Риме закон являлся абстрактной системой норм, стоящей над людьми и одинаковой для всех, т. е. империя выступала конгломератом различных народностей. Универсальная система права была призвана осуществлять интегрирующие функции. Эта идея закона получила дальнейшее развитие в средневековье благодаря христианству. В нем проповедовался культ человекобога – Христа, и любви к нему, а также культ человеческого разума, способного понять тайну божественного творения, расшифровать две великие книги, дарованные Богом человеку – Библию и «книгу природы».

С XII в. христианская теология начала поиск единых универсалий, управляющих миром и познаваемых человеком. В этом поиске шла замена установки на объяснение явлений путем апелляции к воле создателя установкой на рациональное объяснение как основ веры, так и действий, мнений людей, явлений природы. Шли поиски рационально понятых универсальных истин. Этим занимались Ансельм, Абеляр, Фома Аквинский и др. Расширились коммуникативные связи между различными школами в теологии и философии, предпринимались попытки синтеза знаний – написание «Сумм», «Энциклопедий».

Происходила кристаллизация новых структур мышления – рациональных, которые все больше начинали доминировать над структурами, основанными на вере и имеющими сакрально-магическую основу. Эти структуры в дальнейшем обеспечили качественное своеобразие наук эпохи Возрождения и Нового времени.

Христианство сыграло также громадную роль в становлении исторической науки. На смену циклического понимания времени пришла эсхатология, разомкнувшая кольцо вечных кругов. Время стало восприниматься как линия, имеющая свое начало – сотворение мира, и конец – Страшный суд [1; 4; 8].

Ожидание Страшного суда и линейность восприятия времени привели к возникновению различных вариантов периодизаций исторического процесса. В частности, около 220 г. Юлиан Африканский, отталкиваясь от новозаветной фразы «у господина один день как тысяча лет и тысяча лет как один день», разработал хронологию всемирной истории, основанную на аллегорическом истолковании библейского рассказа о шести днях творения. Полагая, что от творения до воплощения Христа прошло 5500 лет, он заключил: от этого последнего события до конца света осталось 500 лет.

Августин (354-430 гг.) суммировал три способа членения истории, характерные для предшествовавшей ему новозаветной литературы: космологический, аллегорический и биологический. Исторический процесс он разделил на три периода – период «естественного состояния», период «закона божьего» и период «божьей милости», начавшийся воплощением Христа и длящийся до его второго пришествия.

В отличие от Юлиана Африканского, Августин скорого конца света не ждал. Он разделил историю человечества на шесть веков-«состояний». Шестой век начался с прихода Христа. Это последний век земной истории, за которым следует Страшный суд. Седьмой век, когда всевышний отдыхал, относится к миру вечности.

Августин переработал также периодизацию, восходящую к римскому историку Аннею Флору, делившему историю в соответствии с возрастами жизни человека. Исторический процесс Августин разделил на периоды: младенчество (человечество овладевает языком), детство (возникает память), юность (развивается низший разум, пробуждается семейный инстинкт), молодость (пробуждается высший разум и моральное сознание), мужество (религиозное сознание), старость (душа постигает Бога) и, наконец, слияние с Богом.

Популярной в средневековье была периодизация, основанная на «Книге пророка Даниила». Пророк утверждал, что в исто-

рии человечества будет всего четыре мировые монархии. Сам Даниил назвал первую из них – Вавилонскую. Остальные монархии толкователи его пророчеств выбирали сами – Персидская, Греко-Македонская, Римская. Падение Рима в V в. н. э. от нашествия варваров не рассматривалось как конец Римской империи. Считалось, что новым Римом стала Византия. После ее падения преемственность от Римской империи оспаривали в Восточной Европе Московское государство, а в Западной Европе – Священная Римская империя германской нации.

До наших дней дожила периодизация, предложенная Евсевием Кесарийским (260-338 гг.). Он заложил основы хронологии истории, в которой события датируются либо до Рождества Христова, либо после Рождества Христова. В VII в. эта идея была систематически разработана Исидором Севильским, а в VIII в. популяризирована Бедой Достопочтенным [5; 1].

В средневековой европейской культуре человек не мыслит пространство и время как однородные. Напротив, считалось, что различные пространственные места и различные моменты времени обладают разной природой, имеют не одинаковый смысл и значение.

В науке этой эпохи господствовали представления о качественном различии пространства земного и небесного – мира подлунного и надлунного. Небесное всегда отождествлялось со «святым» и «духовным», а земное – с «телесным» и «греховным».

Утвердилась доктрина «великой цепи бытия», автором которой считался Дионисий Ареопагит. Средневековые мыслители полагали, что материя мира подлунного состоит из четырех основных элементов: земли, воды, воздуха и огня. Эта материя изменчива, несовершенна, подчинена упадку и исчезновению. Подлунный мир делится на мир неорганический (ему присущ атрибут существования), мир растений (ему добавлялся атрибут питания), мир животных (с атрибутами ощущения и движения), мир человека (атрибут разума). Как и другие подлунные творения, человек – постоянная жертва «войны» элементов материи между собой. В природе эта война приводит к землетрясениям и бурям, у человека – к болезням. По этой же причине происходят смуты и неурядицы в государстве.

Для средневековых схоластов XII-XIII вв. авторитетом был Птолемей Александрийский (90-160 гг.), который расположил неподвижную Землю в центре Вселенной и утверждал, что вокруг нее вращаются кристаллические сферы с прикрепленными к ним небесными телами. Средневековье добавило к этой доктрине мысль, что в мире небесном все совершенно, неизменно, вечно. Ближайшей к Земле является сфера Луны (за ее движением следят ангелы). Затем идет сфера Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия (находится в ведении архангелов). Сферой неподвижных звезд руководят херувимы, сферой «перводвижителя», управляющей движением других сфер – серафимы. Высшая сфера принадлежит Богу.

Все звенья «великой цепи бытия» связаны между собой: макрокосм (Вселенная), микрокосм (человек) и государство. Поэтому конфликт в одном звене цепи неизбежно находит отклик в других. Кроме того, по средневековой доктрине соответствий абсолютно все в мире надлунном имеет свою копию на Земле. Каждое из небесных тел ассоциировалось с отдельными растениями, животными, драгоценными камнями, частями человеческого тела. Считалось, что все функционирует под наблюдением, в ритме и гармонии с символическим «двойником» на небесах.

Время в земной жизни было синонимом тлена – мир, век. Оно олицетворяло порчу, гибельность, порочность. Только монастырь являлся островком «царства божьего» на Земле. Здесь время – вечность, как и в мире надлунном [1, с. 117–121].

Особенностью средневекового сознания было членение времени для светской, профанной истории на два отрезка – преходящее и будущее. Средневековье еще не знало такую единицу измерения времени как прошлое. Акцент исторического мировоззрения был сделан на «предвечное».

Кроме того, в повседневной жизни человек ощущал себя не только на конечном, прямом, узком пути, имеющем божественную цель, но и внутри замкнутого священного круга. Расписание церковных ритуалов, их чередование, цикл сельскохозяйственных работ, природная цикличность приводили к тому, что линейное восприятие времени соседствовало с круговым восприятием. Элементы циклизма были широко представлены в схоластике XIV-XV вв. [3, с. 43-167].

Основным способом постижения мира в средневековье был символизм. Он вырос из теории экзегезы священного писания, которая начала складываться еще в III в. н. э. Впоследствии символические методы именовались как аллегорический, тропологический и анагогический. С помощью аллегорического метода можно было узнать истину относительно Христа и человечества в целом. Тропологический метод позволял извлечь моральные уроки. Анагогический метод, т. е. восходящий к Богу, мистический, давал возможность заглянуть в мир запредельный.

С помощью метода символизма в средневековье изучали мир природы: «бестиарии» истолковывали животный мир, «лапидарии» – минералогию и т. д. К символизму обращались при чтении нехристианских текстов. В таком случае изучение начинали с *littera* (грамматики), с тем, чтобы установить *sensus* (буквальный смысл), а затем переходили к установлению символического значения – *sententia*. Для средневековых мыслителей важно было не то, что хотел сказать автор, а то, что обнаруживалось интерпретатором с помощью символической экзегезы в его сочинении [1, с. 160-165].

Для исторических трудов эпохи средневековья характерен метод провиденциализма – объяснения причинно-следственных связей исторического процесса волей Создателя. Считалось, что существуют две истории – священная (Библия) и профанная (история государств, политических институтов, знаний о мире). Профанная история не заслуживает внимания. Конечные причины и значения событий мирской жизни раскрывает только священная история. Она – совокупность моментов, в которых провидению было угодно раскрыть божественный смысл исторических судеб человечества.

Основным историографическим жанром средневековья были хроники и летописи. Для их написания характерен «принцип одного источника», т. е. при описании событий, современниками которых сами летописцы не были, чтобы не путаться в противоречиях выбирали наиболее древний источник. Он рассматривался как фрагмент ушедшей исторической действительности [2; 5; 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барг, М. А. Эпохи и идеи: становление историзма / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
2. Вайнштейн, О. Л. Западноевропейская средневековая историография / О. Л. Вайнштейн. – М.-Л.: Наука, 1964. – 483 с.
3. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
4. История субъективности: средневековая Европа / сост. Ю. П. Зарецкий. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2009. – 565 с.
5. Косминский, Е. А. Историография средних веков. 5 в. – середина 19 в.: лекции. / Е. А. Косминский; под ред. С. Д. Скапкина и др. – М.: Изд. МГУ, 1963. – 430 с.
6. Поликарпов, В. С. История науки и техники: учеб. пособие / В. С. Поликарпов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 352 с.
7. Сидоров, А. И. Отзвук настоящего: историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. – Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия, 2006. – 352 с.
8. Шишков, А. М. Средневековая интеллектуальная культура: учеб. пособие / А. М. Шишков. – М.: Савин С.А., 2003. – 592 с.